

Дмитрий Окрест

Егор Сенников

ОДНУ

О Т В А Л И Л И С Ъ

**КАК И ПОЧЕМУ
ЗАКОНЧИЛСЯ
СОЦИАЛИЗМ
В ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЕ**

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва 2022

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)
О-58

В оформлении использованы фотографии:
© Giedymin Jabłoński, Jacek Awakumowski, Janusz Bałanda
Rydzewski, Sławomir Baraszko, Zenon Mirota /
collections of European Solidarity Centre
© Государственный исторический музей
© Фотограф Игорь Снопек (Igor Snopek)

Окрест, Дмитрий. Сенников, Егор.

О-58 Они отвалились: как и почему закончился социализм в Восточной Европе / Дмитрий Окрест, Егор Сенников. — Москва : Эксмо, 2022. — 352 с. : ил.

ISBN 978-5-04-121210-0

Как связаны пиво и революция? Как организовать люстрацию? Какие наркотики бывают при социализме?

30 лет назад закончился социалистический проект в Восточной Европе — в государствах Варшавского договора к власти пришли демократы, а коммунисты остались в прошлом. История социалистического блока вместила в себя огромное количество сюжетов — противоречивых, сложных и интересных (пропаганда и теневая экономика, диссиденты и стукачи, Ванга и Валенса).

Авторы этой книги, журналисты Дмитрий Окрест и Егор Сенников расскажут о том, как жили страны бывшего соцблока (от Польши и Венгрии до ГДР и Чехословакии), почему визионерский политический проект в них закончился так быстро и почему сегодня многие из них повернулись к евроскептицизму.

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-04-121210-0 © Дмитрий Окрест, Егор Сенников, текст, 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Будем помнить вместе

Дмитрий Окрест, Евгений Бузев — о том, кто эти «они»
и почему «они отвалились» 9

Зеркала Восточной Европы

Профессор Георгий Дерлугьян — о том, почему именно
русским следует изучать Восточную Европу 14

#USSRCHAOS55_SILOVIKI

Как организовать люстрацию

FAQ от чешской правозащитницы Петрушки
Шустровой 20

Румынский побег

Почему сбежал главный чекист страны 28

«Русские опять придут!»

Использование образа внешнего врага в Румынии
для укрепления личной власти 46

Не только Швейк

Министр обороны Чехии и помощник Вацлава Гавела —
о том, как готовились к НАТО, а мир обещал быть 61

#USSRCHAOS555_ECONOMICS

Лихие польские

Криминальный репортер — о теневой экономике
Польши 80

Как законсервировать «гуляшный коммунизм»

Опыт члена соцпартии Венгрии Магды Кошане
Ковач 88

Бабушка солидарности

Диссидентка Людвика Вуец — о том, почему
победители коммунизма проиграли и Польша
закрывается 94

Как довести до ума пивной путч

Журналист Одржей Соукуп — о взаимосвязях пива
и революции 105

#USSRCHAOS555_SOCIETY

Дунайские джанки

Нарколог Шандор Байзат рассказывает,
от чего кайфовали в Восточном блоке 126

«Мы здесь таких не любим»

Ксенофобия в ГДР и объединенной Германии 135

Электоральные игры

История выборной системы Венгрии от Ласло Хубаи . . 159

Как коммунизм разочаровал даже преданных сторонников

Историк Янош Кенде рефлексировал на примере
собственной жизни 164

СОДЕРЖАНИЕ

#USSRCHAOS555_POLITICS

Правила жизни Леха Валенсы

Пан президент — о том, как поднять холодный занавес,
когда все застоялось 186

Начальник Гданьска

Павел Адамович — о польской околоперестройке 194

Словакия: путь от «нормализации» к независимости

Краткая история страны, которую часто путают
со Словенией 203

#USSRCHAOS555_CULTURE

Архитектура седьмого дня

Урбанист Куба Снопек — о том, как социалистическая
Польша строила костелы 246

Заглянуть за стену

Телевидение ГДР как феномен 251

Доллары, почтовые марки и медведи

Как выглядел креатив «Солидарности» 278

Саундтрек военного положения

Музыкант Константин Усенко — о музыке протеста
накануне конца истории 284

Пражская весна в одиночной кинокамере

Арсений Занин о независимом кино, предвосхитившем
Жан-Люка Годара 293

ОНИ ОТВАЛИЛИСЬ

#USSRCHA0555_EXUSSR

Невероятные приключения поляков в Чечне

Анархист Марек Кужынец — о постколониальной оптике
на чужой земле 321

Ушами КГБ

Историк Эдуард Андриященко — о том, как руководству
Советской Украины рапортовали о соседях 329

Вместо послесловия

Александр Стыкалин — о том, почему будущее мира пока
не обрело четких контуров 343

Об авторах 349

Благодарности 351

БУДЕМ ПОМНИТЬ ВМЕСТЕ

Дмитрий Окрест, Евгений Бузев

«Россия — это ледяная пустыня, а по ней ходит лихой человек», — сказал по легенде обер-прокурор Святейшего Синода Константин Победоносцев. А Победоносцев знал толк в России. Примерно с таким же отношением в 2014 году мы начинали делать паблик¹ «Она развалилась», не вкладывая, впрочем, в это занятие глубокого смысла и не рассматривая его в сколько-нибудь долгосрочной перспективе.

Для нас ледяной пустыней с лихим человеком был ностальгический фон детства. Всюду стреляли: где-то из-за денег, где-то из-за непримиримых политических разногласий (то есть тоже из-за денег), а где-то просто так, потому что оружия много, а следить за ним перестали. Тогда это не пугало, а наоборот — новости внезапно стали интересными, хотя постоянный ужас, смерть, война и беженцы даже иногда приедались.

Много лет спустя мы попытались передать это ощущение из детства в виде паблика во «ВКонтакте». Сперва мы вели

¹ «Она развалилась» существует в виде группы связанных друг с другом сообществ в соцсетях. Основное содержание нашего исследовательского медиапроекта — это история. Мы не ограничиваем себя географическими и хронологическими рамками, но стержневая для нас и вызывающая самый большой интерес у аудитории тема — это новейшая история стран бывшего СССР и Варшавского пакта.

его для самих себя, так было удобно обмениваться контентом. А потом в сообщество потянулись люди. С тех пор прошло больше шести лет — срок, которого в свое время хватило, чтобы рухнул весь советский блок, а на его руинах принялись показывать диснеевские мультики, рекламу и те самые стреляющие новости. Мы за шесть лет издали книгу «Она развалилась. Повседневная история СССР и России в 1985–1999 годах», приняли участие в куче всевозможных начинаний: от круглых столов до записи подкастов. Одним словом, как-то незаметно превратились в маленькое экспертное сообщество.

Издание книги опередило ностальгическую моду на девяностые годы, что стало реакцией на официальное позиционирование этого десятилетия как провала, на фоне которого крайне выгодно смотрится последующая эпоха. В тренде стали музыка в стиле «Дискотеки 90-х» и яркий стиль одежды, характерный для минувшей эпохи. Например, 30–40-летние россияне являются основными покупателями «товаров из 90-х» — жевательной резинки Love is..., часов Montana и игровых приставок Dendy.

Сегодня картину обо всем, что происходило во временном промежутке между Михаилом Горбачевым и Владимиром Путиным, во многом формируют буквально те же люди, которые десять — двадцать пять лет назад были важными действующими лицами общественно-политической жизни России. Множество нынешних лидеров общественного мнения и политических акторов получили от эпохи девяностых дивиденды, но ситуация изменилась, поэтому они заинтересованы в изменении образа прошлого.

Например, режиссер Никита Михалков требует закрыть «Ельцин-центр», в котором хранятся благодарности в его адрес за усиленную работу над кампанией президента Ельцина. Или Сергей Кириенко — тогда премьер-министр, которого за возраст обзывали киндер-сюрпризом, — сегодня

руководит администрацией президента и имеет славу технократа¹.

И вот теперь вы держите в руках вторую книгу, которая вышла под брендом «Она развалилась». Это второе большое дело, которое сделали люди, втянувшиеся в это увлекательное занятие — изучение и популяризацию недавнего прошлого уже не только нашей страны, но и тех стран, которые волей-неволей (чаще все-таки неволей) шли вместе с нами тернистой дорогой развитого социализма.

Что сегодняшний житель России 30–40 лет (а это ядро нашей аудитории) помнит о Восточном блоке? Металлические конструкторы из ГДР? Румынские кроссовки? Чехословацкий мультсериал о приключениях крота? Во всяком случае, у меня именно такой ассоциативный ряд. Но если приглядеться поближе, то в новейшей истории стран Центральной и Восточной Европы можно найти ряд прямых аналогий и ассоциаций с сегодняшним днем. Точно так же, как мы их находили в свое время в межэтнических столкновениях, локальных войнах и массовых беспорядках 90-х годов в странах бывшего СССР.

История стран социалистического блока вместила в себя огромное количество увлекательных сюжетов — противоречивых, сложных и интересных (пропаганда и люстрация, диссиденты и стукачи, Ванга и Валенса). Чтобы разобрать-

¹ Об этом мы пытались рассказать в книге «Она развалилась. Повседневная история СССР и России в 1985–1999 годах» (вместо схем и таблиц — фотографии из личных архивов; вместо единой проблематики — калейдоскоп сюжетов и тем, волнующих героев книги — очевидцев стремительно уходящей в прошлое эпохи с середины 1980-х годов до начала XXI века) и документальном сериале «Околоперестройка» на телеканале «Дождь» (история 1990-х за девять интервью: августовский путч, реформы Гайдара, борьба президента с парламентом, Чечня, предвыборная пропаганда Ельцина, фильм «Брат», экономический кризис и транзит власти). Сериал доступен на <https://tvrain.ru/teleshov/okoloperestroika>.

ся в том, какими были эти страны и почему визионерский политический проект закончился так быстро, мы изучили каждую из них. Мы расскажем о том, как они жили, как они умерли (например, ГДР и Чехословакия) и почему сегодня повернулись к евроскептицизму.

«Она развалилась» — это своего рода фиксация мест памяти, о которой говорил французский историк Пьер Нора, но памяти постсоветской. В ней же остались Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Словакия и Чехия, про которые соотечественникам нередко кажется, что эти страны отвалились от советской империи. Не зря роль СССР и России постоянно всплывает в воспоминаниях опрошенных очевидцев (иногда комичным образом), а также исследуемых архивах и телепередачах. Память не предполагает идеализации или осуждения. Память — это прежде всего уроки и выводы, которые, кстати, могут и меняться¹.

Сейчас, когда мы пишем это введение, в соседней Белоруссии² продолжаются протесты после президентских выборов, на предприятиях республики говорят о забастовках, а иногда и вправду бастуют. Сразу вспоминается опыт польской «Солидарности», да и в жестоком подавлении протестов и непреклонной позиции белорусского диктатора тоже

¹ Почему одних предателей казнят, а других милуют? Как мертвый Гендель написал ораторию про Адольфа Гитлера? Так что все-таки важнее: колбаса или свобода? В подкасте «Синий бархат» Егор Сеников рассказывает, почему мир гораздо сложнее, чем хотелось бы верить. Это подкаст о том, какие монстры, гниль и ужас прячутся за прилизанными историческими анекдотами.

² Или Беларусь, как ее называют граждане республики, которым привычное российской аудитории название кажется некорректным из-за отсылки к советскому прошлому. Белорусская Советская Социалистическая Республика информировала ООН об изменении ее названия на «Беларусь» 19 сентября 1991 года. Термин «Белоруссия» используется в русском языке со второй половины XVIII века — например, в «Новом и полном географическом словаре Российского государства» 1788 года.

БУДЕМ ПОМНИТЬ ВМЕСТЕ

можно найти немало общего с совсем недавним прошлым наших бывших коллег по социалистическому лагерю.

При упоминании Белоруссии (уж не знаем, чем там все закончится) на ум сразу приходят российские государственные СМИ, которые любят поговорить об угрозе НАТО у наших границ. Но как НАТО там оказалась? Почему? Когда? Какие обстоятельства этому способствовали? Расширение североатлантического альянса — это ведь тоже новейшая история Восточной Европы.

На самом деле в этот исторический пинг-понг, «актуальная политика — историческая аналогия — исторический бэкграунд» можно играть бесконечно долго. Пусть это не несет большой исторической ценности, зато интересно. Мы же начинали с развлечения — а история тоже может быть развлечением, — и надеемся, вы купили эту книгу как минимум для того, чтобы вам было не скучно. Мы начинали с социальной сети и тех норм, которые соцсеть предусматривает. В итоге такой формат нас устроил, эта книга тоже, по сути, писалась как паблик, отдельными блоками, из которых и складывается общее полотно. История повторяется трижды — как трагедия, как фарс и как пост в паблике.

Последнее повторение, возможно, и делает историю — историей. Значит, она стала частью исторического сознания, а не строками в учебнике (если те строки еще и попали в учебник — большей части этой книги в нем нет). Приятного чтения, продолжаем развлекаться, и даже лихой человек нам не страшен: у нас полкниги о таких людях, пусть и не в ледяной пустыне, а где-то в промежутке между Вислой и Одером.

Будем помнить вместе.

ЗЕРКАЛА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

**Георгий Дерлугьян, профессор
социологии Нью-Йоркского
университета Абу-Даби**

В Античности Европа понятно делилась на юг и север, на средиземноморский пояс греко-римской цивилизации и массив «варварских племен» кельтов, сарматов, германцев и едва различимых балтославян. Географические споры развернулись в XVI веке. Центр цивилизации Нового времени явно сместился на запад, к Атлантике с ее ранними капиталистическими рынками, мореходством и динамичными, насыщенными городскими сообществами. А вот где противоположная восточная оконечность, где заканчивается Запад? Ответ всегда был политическим.

Речь Посполитая, некогда крупнейшее территориальное образование Европы, к востоку от себя располагала «Тартарию». В начале XIX века австрийский канцлер Меттерних острил, что Азия начинается у восточных ворот Вены. Его наследники по управлению пестрой Австро-Венгрией считали свою зону ответственности если и не вполне Западом, то промежуточным пространством «Средней Европы».

Нечто подобное возникло в очередной раз в 1990-х годах в работах посткоммунистической либеральной «транзи-

тологии», из которых следует, что более успешные Венгрия, Чехия, Польша составляют континент Центральной Европы, едва не океанами отделенный от распадающихся Югославии и СССР. Впрочем, дальнейшее расширение Евросоюза вскоре раздвинуло рамки на восток. И это мы еще не задались вопросом о европейской принадлежности Грузии и (почему бы нет?) Турции¹. Политика географической и цивилизационной классификации насколько шумна, настолько же неплодотворна и скучна в переборе одних и тех же приемов все в тех же целях символического самоотнесения к центру мира.

Если есть что-то общее и определяющее в Восточной Европе — это ее открытость степям Евразии, некогда непрерывной широкой полосой простиравшимся от Монголии до венгерской Пусты. Средние века, грубо говоря, были эпохой военного господства всадников. Почему воинство хана Батые развернулось, доехав до Кракова и предместий Вены, остается предметом споров историков, особенно патриотических (настаивающих, что именно их народ лег костями во имя спасения Запада от азиатских орд), а теперь еще и исторических геймеров. Примем просто за факт, что Батый не дошел до Парижа и Лондона.

На крайней оконечности Евразии, куда даже монголы не доехали, поверх груды всякого полезного наследия давно рухнувшей Античности, Запад мог долго вызревать анархической «роскошью феодализма». Там так и не возникло единой империи, зато в ее отсутствие расплодилось органы самоуправления: аббатства и университеты, вольные города и ремесленные гильдии, феодальные владения, чьим

¹ Турция — одна из основательниц Совета Европы, является «ассоциированным членом» Евросоюза и его предшественников с 1964 года. Турция подала заявление на вступление в 1987 году, но статус кандидата получила только спустя 12 лет. В 2005 году начался процесс переговоров, но и к 2020 году страна не стала членом ЕС.

слишком многочисленным соперничающим королям приходилось править по писаному праву и контракту с подданными.

Робин Гуд со своим луком — это одновременно не до конца разоруженный крестьянин, способный постоять за свои права, и потенциально эффективный наемник в королевском войске, если смогут регулярно платить. Так на Западе парадоксальным образом сочеталось перекрестное обеспечение прав с профессиональной воинственностью и усиленно рациональным изъятием налогов. Все уже в принципе подготовлено для возникновения Модерна. Оставался секрет пороха, завезенный наверняка из Китая по Шелковому пути, плюс перенаправить еще римскую технику литья статуй и колоколов на изготовление пушек, а водяных мельниц — на механическую ковку стали для доспехов и стволов.

Огнестрельное оружие разом решало две главные проблемы Средневековья: пушки крушили стены феодальных замков, а ружья в поле залпами косили кочевую конницу. Да, и еще одно чисто западное средневековое изобретение — дубовая бочка для засолки рыбы, превосходившая античные амфоры не только по всем качествам (кроме разве эстетики), но главное, послужившая прототипом для сборки корпусов океанских парусников. Погрузив на парусники пушки, ружья и избыточную рабочую силу своих робингудов, Запад уже мог приплыть без спросу ко всему остальному миру. Вот простейшая формула модернизации — не набор ценностей, а геополитический императив: либо у вас будет сталелитейная и судостроительная индустрия с полагающимися им квалифицированными кадрами, либо к вам приплывут те, у кого это уже есть.

Восточная Европа из-за опустошений средневековых кочевников в «роскоши феодализма» участвовала лишь эпизо-

дически и на удалении. Это скорее периферия, куда с Запада ближе всего плыть за сырьем через Балтику или Черное море и Дунай посредине. Но все-таки это Европа, где оружейные новинки, через вездесущих немцев и итальянцев, появляются рано и используются почти так же эффективно. В результате именно на заре Модерна и на землях, отвоеванных в основном у кочевников, возникло четыре крупных аграрных государства: Речь Посполитая, владения австрийских Габсбургов, Московское царство и Османская империя. Все они превращаются для Запада в типично периферийных поставщиков дешевого продовольствия и сырья, но не сразу и по-разному.

Хотя политически и культурно Польша и Турция едва не антиподы, удивительно похожи их нисходящие траектории от пика величия в XVI веке до падения в XIX и трудного и кровавого национального возрождения в XX веке. Именно из-за близости к морям и османские, и польско-литовские магнаты рано обнаружили выгоду в товарном вывозе урожая из своих владений в ближайшие порты. Такое выгодно лишь при массовом использовании элементарного крепостничества (как и плантационного рабства в обеих Америках).

Западным купцам принадлежали портовые склады, судовой фрахт, кредит, рыночная информация и доступ к пунктам сбыта по ту сторону морей, в центре мировой экономики. Следовательно, они же могли назначать закупочные цены магнатам или их приказчикам (обычно из зависимых евреев или, в османских владениях, христиан). В основе «отсталости» — именно этот механизм обмена центра и периферии, где с одной стороны — олигархии феодального типа и зависимое бедное крестьянство, а с другой стороны — зажиточные независимые горожане с широким набором современных навыков. Это неравенство структурное,

т. е. объективно данное, склонное воспроизводиться поколение за поколением.

О России поговорим в другой раз. Здесь упомяну лишь очевидное: вначале до нее было не доплыть, а потом уже вовремя случился Петр I, чья военно-налоговая модернизация не только прорубила окно в Европу, но и выставила в том же окне заслон на уровне своего времени. Австрийская империя (чья история XVIII—XIX веков местами удивительно напоминает российскую) отчасти избежала периферийной участи в силу династийного «западно-восточного» дуализма монархии Габсбургов. Это обеспечило более глубокую бюрократию (и Кафку) плюс сильную армию — конечно, с бравым солдатом Швейком. Но в макроистории все познается именно в сравнении.

Давние границы между владениями Габсбургов, Османов и Романовых поразительным образом проявляются по сей день, равно как и неординарное наследие польской шляхты.

Почему в посткоммунистической Польше фиксируются самые высокие уровни религиозности не только в Европе, но и в мире — в то время как в соседней славянской Чехии они одни из самых низких? Почему в Румынии коммунистический диктатор Николае Чаушеску выстроил себе дворцы и культ по образцам Северной Кореи, а в Венгрии после смерти Яноша Кадара на государственной распродаже инвентаря из его резиденции самым дорогим предметом оказалась картина за 700 евро? Почему Западная Украина такая восточноевропейская, а Восточная и Южная Украина вообще не Европа, а скорее Америка, поселенческое индустриально-аграрное сообщество типа Пенсильвании?

Восточная Европа поразительно разнообразна вплоть до закономерного, хотя и довольно бесполезного вопро-

са: а что вообще общего в этом пространстве от Балкан до Прибалтики? Это интереснейший регион для сравнительно-исторического и культурного анализа. И это же важнейший регион для сопоставления с Россией. Чтобы лучше понять, чем именно Россия не Азия, следует изучать Среднюю Азию. И еще больше именно русским, как и самим восточноевропейцам, следует изучать Восточную Европу. При этом никогда не забывать, что границы этих регионов политические и подвижные. Последний вопрос, пока риторический: а Белоруссия — это Восточная Европа?¹

¹ В 2000 году белорусские ученые опубликовали результаты исследования, согласно которым географический центр Европы расположен недалеко от Полоцка. Белорусский президент Александр Лукашенко не раз подчеркивал это в своих выступлениях. Власти Литвы, Словакии, Польши и Украины настаивают, что географический центр Европы расположен в их границах.

9 августа 2020 года, сразу после выборов, во всех городах Белоруссии начались массовые протесты против несменяемости власти — уличные акции, цепи солидарности, забастовки, увольнения в знак протеста. За время протестов ранены более 200 человек, задержано более 7000.

#USSRCHAOSSS_SILOVIKI

КАК ОРГАНИЗОВАТЬ ЛЮСТРАЦИЮ? FAQ ОТ ДИССИДЕНТКИ

#ussrchaosss_cz #chaosss_zona
#chaosss_ban #chaosss_commie
#chaosss_gb #chaosss_murder
#chaosss_bespredel

Дмитрий Окрест

На постсоветском пространстве Чеченская Республика Ичкерия была оплотом декоммунизации, где в конце девяностых был принят закон о люстрации. Особенно пострадали местные правоохранительные органы: кадров, которые не работали бы раньше в советской милиции, просто неоткуда было взять. В соцблоке одну из наиболее серьезных люстраций провели в Чехословакии¹.

Петрушка Шустрова прежде была троцкисткой, уборщицей на почте, редактором самиздата, получила «двушечку» за распространение листовок в 1969 году после Пражской весны, стала одним из трех официальных представителей «Хартии-77»², разрабатывала закон о люстрации. После революции 1989 года Петрушка побывала заместителем главы МВД. Для постсоветского пространства это явление не уникальное: главой МВД Эстонии также стала бывшая диссидентка. Сейчас Петрушка Шустрова пишет публицистику.

Петрушка предложила встретиться в том самом кабаке у Карловой площади, где с шестидесятых годов собирались несогласные, в том числе драматург-президент Вацлав Гавел. Она отлично говорит по-русски и рекомендует идти к демократии ненасильственным путем. Чем-то она неуловимо напоминает Валерию Новодворскую, с которой я сидел рядом на планерках в журнале New Times.

В 1978 году инициаторы чехословацкого правозащитного движения основали Комитет по защите несправедливо осужденных. Комитет вел мониторинг дел несправедливо преследуемых граждан. Мы, члены комитета, пополняли список судей, которые не могли не понимать, что судят людей исключительно по политическим мотивам. Таких судей набралось более шестидесяти. В девяностых годах мы направили наш список в дисциплинарную комиссию, чтобы судейское сообщество в своем кругу само решило, что делать с этими людьми.

У меня не было юридического образования, но я участвовала в изменении чехословацкого законодательства в сфере уголовного права, подготовке широкой амнистии и закона по реабилитации жертв политических репрессий. Кроме того, я одна из разработчиков закона о люстрации. Первый приняли в 1991-м, а второй — в 1992 году. Это помогло оградить сферу государственного управления от проникновения агентов StB³.

Хедхантер

Все начиналось с собеседований с сотрудниками StB. Нам ведь нужно было осуществить грандиозные кадровые и структурные изменения. МВД — это огромная административная машина, и нам пришлось разбираться, какие из многочисленных департаментов могут быть полезны демократическому государству.

На каждой такой встрече агента опрашивала комиссия из четырех человек, среди которых обязательно были как минимум один диссидент и один сотрудник спецслужб, покинувший их ряды после 1968 года. Мы использовали их, чтобы понять, как что работает, ведь сами мы — люди гражданские. У уволенных после 1968 года, несмотря на их службу в органах, все-таки был кредит доверия, так как они лишились мест за симпатии к Пражской весне. Следующие двадцать лет они работали на нормальных работах, а некоторые из-за своих высказываний стали гражданами второй категории, как и мы, диссиденты. Хотя что считать нормальной работой: многие интеллигенты после 1968 года работали дворниками и истопниками.

Кроме того, многие из них занимали должности за границей, а не прессовали оппозицию внутри страны. Среди них немало было и тех, кто после ввода танков соцблока⁴ порвал с чехословацкой разведкой и остался за рубежом. Именно поэтому их допустили в комиссии, несмотря на то что спецслужбы и до 1968 года работали жестко.

Но через некоторое время после начала опросов я поняла, что люстрацию сделали бестолково и в таком виде она бесполезна. Во-первых, с непривычки очень скоро перестаешь различать лица людей. Опыт диссидентки помогает «чуять нутром», кому стоит доверять, а кому нет, но все же я не юрист и опросила лишь не более полусотни человек. А сотрудников, сидевших передо мной, годами учили, как обращаться с подозреваемыми, и они могли вдоволь потренироваться.

Во-вторых, мы поняли, что нам не удастся выяснить, как на самом деле работают спецслужбы. Мы спрашиваем, они отвечают, но как проверить сказанное? Мы расспрашивали, как они вели себя во время конкретных обысков и задер-

жаний, потом перепроверяли подробности у их жертв, но архивы-то нам были недоступны⁵. Типичное поведение — отвечать кратко, а на вопрос о мотивации рассказывать про желание защитить социалистическую родину от угрозы империализма. В откровенные разговоры они, конечно, не пускались.

Мышкины слезки

В 1969 году во время ареста надо мной издевался один сотрудник. Я тогда крикнула в сердцах: «Это вам даром не пройдет, это вам аукнется». И вот передо мной сидит тот самый человек, и я напоминаю ему: «Я ведь вам говорила, пан сотрудник». Он не то что узнал, он испугался. Но чего ему бояться? Максимум, что мы могли сделать, — уволить уличенного в злодеяниях из спецслужб и лишить повышенной служебной пенсии.

Раз читала досье сотрудника, который делал обыск в квартире известного диссидента. Он подтверждает, что проводил обыск, и добавляет: «Я его очень-очень уважал». Я присматриваюсь, а он весь дрожит и пот льется с него в три ручья. Но мы не могли бы его расстрелять. Наша комиссия, в отличие от коммунистических времен, даже к аресту не могла приговорить.

В итоге мы решили, что личные собеседования неэффективны. В министерстве работали десятки тысяч людей, и мы так и не узнали точно, что именно делал каждый из них. Поэтому мы рекомендовали уволить всех сотрудников, следивших за так называемыми внутренними врагами (оппозицией, интеллигенцией, священниками). Остались только те, кого проверила комиссия, кто после собеседования изъявил желание работать и точно не совершал порочащих деяний. Таких, увы, оказалось совсем немного.

Кто написал четыре миллиона доносов?

Из нереализованного можно упомянуть следующий момент: боюсь, нам не удалось убедить общество в том, что нельзя всех грести под одну гребенку, нельзя попросту вычеркнуть этих людей из общества. Помню, как впервые увидела списки сотрудничающих со спецслужбами. Неприятное зрелище. Особенно грустно, когда видишь знакомые фамилии.

Обычно решившие стучать граждане старались обрывать контакт и больше не светиться в протестном движении, поэтому больших переживаний не было. Только раз ко мне подошел важный диссидент, пытавшийся после доноса со мной поговорить. Мне стало жутко неприятно, и я отказалась с ним общаться. С бывшими диссидентами, которые в девяностых на новых постах со временем погрязли в коррупции, я тоже не обсуждаю их поведение — просто стараюсь дистанцироваться.

Мы приняли закон, по которому сотрудничавшие со службами люди не имели права занимать посты в государственных органах — например, такой человек не мог стать ректором вуза. А вот возможность избираться мы стукачам оставили. Это вполне либерально: вся информация публичная; если избиратели готовы голосовать за такого человека — это их право. Список доносчиков был опубликован в популярной газете, любой мог с ним ознакомиться. Позднее мы опубликовали также список кадровых офицеров, замешанных в преступлениях против жертв режима.

К сожалению, в публикациях не указывались детали, важные нюансы. Например, многие мои знакомые давали подписку и соглашались сотрудничать, чтобы получить направление и устроить больного ребенка в санаторий. Еще я знаю много случаев, когда человек был принужден к сотрудничеству, но не доносил органам ничего существенного,

а только сливал факты, которые были и так известны и не могли никому повредить. Обязательство сотрудничать подписывали все сотрудники департамента внешней торговли и вообще все члены номенклатуры, даже Андрей Бабиш⁶. И как теперь разобраться, стукач он или нет? В результате публикации привели к большим скандалам, так как людей стали сильно и необоснованно обвинять, не разбираясь в конкретной ситуации.

HeBЧK

Не могу сказать, что все получилось, но когда я делилась опытом с людьми, которые работали над схожими задачами в Украине, на Кавказе, в странах Балтии, в Венгрии, то все в один голос утверждали, что мы пошли дальше всех. Мы встречались с министром внутренних дел Польши, которая тоже хорошо поработала над очищением от старых кадров, и он заявил, что лично проверил дела восемнадцати тысяч агентов. Я в такую производительность, конечно, не верю.

При разборе личных дел агентов и стукачей я, ей-богу, чувствовала себя как член проверочной комиссии 1948 года, когда коммунисты после переворота⁷ прощупывали всех сомнительных на верность идеалам⁸. Интересно, да, но, честно говоря, не слишком приятно. Некоторые, говоря про нас, вспоминают большевиков, которые после царских ссылок и революции стали чекистами и захотели отомстить за унижения. Но, во-первых, прошло семьдесят лет. Во-вторых, мы все были представителями интеллигенции и желали строить демократические институты, а не новые репрессивные механизмы.

К тому же, в отличие от большевиков, у нас не было главенствующей идеологии. Оппозиция вбирала в себя сторонников совершенно разных идей — например, христианских демократов, для которых месть неприемлема. Я тоже

мстить не хотела, не такой я человек. Тем более если я за демократические институты, то надо держать себя в руках, а не давать волю эмоциям, даже если перед тобой сидят люди, про чьи злодеяния ты точно знаешь.

Радикальная молодость

Когда я занимала государственные посты, мне нередко напоминали о моей левацкой юности. Дело в том, что, когда в 1968 году начались перемены, я совершенно ничего не знала о политике. Пока не приехали танки, я старалась понять как можно больше, а троцкистская агитация была наиболее активной и последовательной в своей критике режима. Леваки критиковали чехословацкий социализм, справедливо замечая отход от провозглашаемых коммунистических целей. Я была ребенком своего времени, хоть и начитанным, и ничего другого не знала.

В 1968 году наша группа провозглашала необходимость самоуправления и отмены государства. К 2018 году ничего из этого, конечно, не случилось. Не сказать, что я из-за этого переживаю. Когда начались репрессии и многие отступили от своих идей, именно троцкисты оказались наиболее стойкими. Мои профессора, которых я уважала, сперва говорили: «Никогда...», а через полгода: «Это была ошибка, я понял ситуацию». Я же хотела сопротивляться любым возможным способом. У нас была определенная конспирация, мы пресекали попытки болтовни среди сторонников, но, например, псевдонимы считали анекдотом, ведь самое важное — что ты заявляешь свой протест публично. Неудивительно, что в 1969 году меня арестовали.

Посадка дала мне возможность поразмыслить о себе и своих идеях. В двадцать один год почти никто не пойдет добровольно в монастырь предаваться самоанализу; я же получила такую возможность, пусть поневоле. За два года

заклучения я многое переосмыслила и отошла от леворадикальных идей. Впрочем, надо сказать, и раньше, когда в 1968 году из Германии приезжал Руди Дучке⁹ и агитировал за социализм, мы ему не верили. Мы-то ведь на своей шкуре знали, каково это — жить при социализме (пусть и с человеческим лицом).

В тот момент я была единственной политзаключенной в тюрьме, это было в новинку, и со стороны других заключенных солидарности не было. Никто даже не верил, что я политическая. Попав в тюрьму, я сначала испытала шок, но время идет, ты привыкаешь, завязываются знакомства. Короче говоря, в тюрьме не было ничего приятного, но и ничего страшного. Я вышла на волю в ноябре 1971 года — это был совершенно другой мир, а знакомые, завидев меня, переходили на другую сторону улицы от греха подальше.

Тоталитароведение

Безусловно, в 70-х годах я никак не могла представить, что спустя время мои товарищи по борьбе станут министрами и послами, а агенты спецслужб будут сидеть передо мной и мямлить оправдания. Я была уверена, что режим падет в силу его неестественности, но никто не думал, что так быстро. Никогда не хотела работать в спецслужбах, но не чувствовала себя самозванкой, так как вся верхушка сменилась. В итоге я ушла с поста замминистра, так как на моей должности нельзя было публично говорить о многих вещах. На общение с журналистами требовалась санкция от министра, а мне не хотелось ему в этом подчиняться.

В 2007 году мы основали Институт изучения тоталитарных режимов, который изучает историю Чехии с 1939 по 1989 год. Сотрудники исследовательского центра получили доступ ко всем архивным материалам Министерства внутренних дел и Комитета государственной безопасности, но

из-за личных конфликтов внутри центра я не очень довольна результатами¹⁰.

Изначально речь шла о поисках в архиве исключительно госбезопасности после переворота 1948 года, как это делало ранее Управление по документации и расследованию преступлений коммунизма¹¹, но подобная концепция вызвала сильное сопротивление коммунистов в парламенте. К сожалению, он не стал польским Институтом национальной памяти, на который ориентировалась я. Несмотря на то что институт основали спустя много лет после падения коммунизма, это было продолжение той же работы по отфильтровыванию бывших агентов.

Сегодня у нас новые спецслужбы, и это неплохо¹². Но когда меня спрашивают: «Могут ли спецслужбы в принципе служить на благо обществу?» — то я вспоминаю недавнее дело о терроризме¹³ и не знаю, что ответить. Это ведь большая проблема! Деятельность спецслужб нередко приводит к нарушениям, и мы знаем массу примеров во многих странах, — но, с другой стороны, а как же бороться с организованной преступностью или вмешательством иностранных сил?

РУМЫНСКИЙ ПОБЕГ

#ussrchaosss_romania #chaosss_gb
#ussrchaosss_DDR #chaosss_friendship
#chaosss_protest

Егор Сенников

Глава румынской разведки, которая страдала всю страну, в итоге стал перебежчиком. Как это вышло и что из себя представляли спецслужбы.

I

Бонн, столица Федеративной Республики Германия. На календаре — 23 июля 1978 года. В город прибыл высокопоставленный сотрудник загадочной и странной румынской разведки Секуритате — Ион Михай Пачепа. Ему было 49 лет, он прилетел в ФРГ из теплого Бухареста, в котором как раз зацвели магнолии. В Германию его отправил лично руководитель Румынии Чаушеску — через Иона он отправлял секретное послание канцлеру Германии Гельмуту Шмидту¹⁴.

Но возвращаться обратно — к работе и семье — Пачепа не собирался. Вместо этого он отправился напрямик в посольство США в Бонне и заявил о том, что он генерал Секуритате и просит президента Картера предоставить ему политическое убежище. Вскоре Пачепу тайно вывезли из ФРГ в Америку. Так началась его карьера перебежчика.

«Железный занавес» времен холодной войны вовсе не был таким уж непроницаемым, как может показаться. Шпионы и дипломаты, бизнесмены и политики, диссиденты и журналисты пересекали границу между двумя мирами в ту и другую сторону — то желая продать подороже информацию, то пытаясь заработать как-то иначе, то спасаясь от политического преследования, а то и руководствуясь исключительно тягой к авантюрам и приключениям. Но Ион Михай Пачепа был уникальным перебежчиком — один из самых высокопоставленных представителей Восточного блока, он решил открыто перейти из одного лагеря в другой.

Сравнить его можно, пожалуй, лишь с советским дипломатом Аркадием Шевченко, который сбежал в США с поста заместителя генерального секретаря ООН по политическим вопросам и делам Совета Безопасности ООН, или с Юзефом Святло, высокопоставленным сотрудником польской разведки, перешедшим границу в 1953 году из опасений,

что после смерти Сталина и ареста Берии всем, кто был замешан в массовых репрессиях, грозит опасность.

На родине Пачепа оставил все: успешную карьеру во всемогущих органах государственной безопасности, жену и дочь, друзей и коллег, даже свои деловые отношения с руководителем страны и генеральным секретарем Коммунистической партии Румынии Николае Чаушеску. По словам ЦРУ, Пачепа внес «важный и уникальный вклад в разведывательную деятельность».

Иона ожидали долгие допросы в ЦРУ, где он рассказывал о внутреннем устройстве румынской разведки и контрразведки, а затем — многолетняя карьера публициста, политолога, советолога и специалиста по тайным операциям Кремля. Позднее, уже в девяностых, историки нашли в работах Пачепы много неточностей и искажений, но это не слишком повлияло на общий уровень доверия к его заявлениям: его послужной список казался и кажется многим до сих пор достаточным оправданием для того, чтобы верить почти любым его рассказам.

Побег Иона нанес огромный удар и по работе румынских агентов за рубежом (Пачепа был заместителем начальника всей внешней разведки страны), и по научно-техническому шпионажу (он его курировал), и по общему престижу Румынии за границей. Во второй половине 1960-х годов и все 1970-е Чаушеску прикладывал немало усилий, выстраивая особые отношения с ключевыми капиталистическими державами.

Ему удалось пригласить в Бухарест с визитом президента США Никсона (в 1969 году) и президента Франции де Голля (в 1968 году), заручиться финансовой поддержкой крупных западных компаний и банков. И когда сбежавший Пачепа заговорил о тайной деятельности румынской разведки, его откровения разрушили репутацию Чаушеску как лидера, с которым можно встречаться и договариваться.

Изучая судьбу и карьеру Пачепы, можно немало узнать о водвороте событий в Румынии 1970-х и 1980-х годов и лучше понять причины, по которым конец коммунизма в стране оказался настолько кровавым и жестоким.

//

Чтобы понять, откуда и в каких условиях Пачепа вырос до таких высот, необходимо подробно посмотреть на устройство послевоенной румынской политики. В 1950-х годах Румыния была одной из самых лояльных Советскому Союзу восточноевропейских республик. Во главе партии стоял Георге Георгиу-Деж — опытный коммунист, прошедший через румынские тюрьмы времен фашистской диктатуры Антонеску.

В то же время, несмотря на формальную безусловную лояльность Москве, Георгиу-Деж уже с начала 1950-х (а в особенности после смерти Сталина и начала реформ Хрущева в СССР) задумывался о том, что Румыния должна руководствоваться лозунгом «Румыния прежде всего». Иными словами, не следовать безоглядно политике руководства Советского Союза, а находить собственный путь, в том числе и в отношениях с западными странами.

Для того чтобы такие проекты оставались не просто идеями, Георгиу-Деж предпринимал конкретные меры. Во внутренней политике его главной опорой стала румынская государственная безопасность — Секуритате, при помощи которой он старался расправляться со своими политическими оппонентами. Сподвижниками Георгиу-Дежа были представители «тюремной» партии — коммунисты, которые во время фашистского режима Антонеску сидели в тюрьме, а не находились в эмиграции, а оппонентами — представители «московской» партии (Анна Паукер, Василе Лука) и другие. Централизация и укрепление коммунистической

власти были бы невозможны без политических репрессий против инакомыслящих.

Трудовые лагеря, аресты и ссылки стали постоянной практикой в послевоенной Румынии. Слово «Секуритате» довольно быстро приобрело столь же угрожающее значение, как НКВД или МГБ в СССР.

В 1952 году Георгиу-Дежу удалось избавиться от Анны Паукер. Сразу после войны она была неформальным лидером компартии, а с 1947 года возглавляла Министерство иностранных дел. Позднее вокруг нее сформировалась легенда, согласно которой она была либеральной коммунисткой, которая не соглашалась со всеми московскими директивами и требованиями, способствовала эмиграции румынских евреев в Израиль и выступала против массовой коллективизации. На деле Анна Паукер держалась жесткого сталинистского курса во внутренней политике. Ее поражение в аппаратной игре было связано главным образом с тем, что значительную часть своей жизни Паукер провела вне Румынии (в СССР и Франции) и была меньше укоренена в румынской жизни, в то время как Георгиу-Деж при Антонеску одиннадцать лет просидел в тюрьме (неудивительно, что он был лидером «тюремной» партии).

Вскоре после отставки Анна Паукер была арестована и освобождена из тюрьмы только после смерти Сталина: за нее заступился министр иностранных дел СССР Вячеслав Молотов. Впрочем, ее попытки вернуться на руководящие посты закончились ничем: Георгиу-Деж вовремя обвинил ее в участии в «сталинских преступлениях» конца 1940-х, а после XX съезда этого было достаточно, чтобы не подпускать человека к политической жизни.

Румыния стала фактически единственной страной в социалистическом блоке, в которой «московская партия» не доминировала во внутренней политике. Ее скромная роль позволяла продвигаться на высокие посты людям вроде Ча-

ушеску, который вошел в состав ЦК партии через несколько месяцев после отставки и ареста Анны Паукер.

Во многом именно по этой причине с начала 1960-х при Георгиу-Деже отношения Румынии с Западом постепенно улучшались — курс, который был впоследствии продолжен и развит Чаушеску. Румыния сознательно заняла нейтральную позицию в конфликте СССР с Китаем, стала чем-то вроде медиатора между двумя странами и получала от этого выгоду. На территории Румынии редко проводились учения стран Варшавского договора. Требуя участия в военно-политических решениях ОВД, руководство страны сближалось с Тито.

Постоянное подчеркивание важности Румынии было обусловлено во многом тем, что румынская партия старалась скрыть свое собственное «нерумынское» происхождение. В ее руководстве было много евреев, немцев, венгров, русскоязычных украинцев, бессарабских евреев, да и русские жены до середины 1960-х были не редкостью среди ответственных работников и руководителей.

III

Карьера Иона Пачепы в разведке началась в 1951 году, вскоре после выпуска из Политехнического университета в Бухаресте. Сам Ион был выходцем из семьи, которую стоило бы отнести к среднему классу: его отец родился в Австро-Венгрии, на территории современной Словакии, затем переехал в Венгерскую Трансильванию, а в 1920 году, вскоре после того как Трансильвания была присоединена к Румынии, поселился в Бухаресте, где работал в местном отделении автомобильной компании General Motors.

Ион родился в Бухаресте в 1928 году. В 1947 году он поступил в Политехнический университет Бухареста, окончил его в 1951 году и незадолго до окончания принял предложе-

ние пойти на работу в румынскую разведку, сменив факультет промышленной химии на факультет экономической безопасности. Свой путь к вершинам он начал в управлении Секуритате, которое занималось противодействием саботажу.

По всей видимости, на этом посту Пачепа зарекомендовал себя как ответственный и талантливый работник, иначе вряд ли бы уже спустя 3–4 года его перевели в управление внешней разведки Румынии. Тогда этим отделом руководил генерал-майор Василе Валку, болгарин по происхождению, говоривший по-румынски, как уверял Пачепа, с сильным славянским акцентом. Шли слухи, что во время войны Валку работал в советском НКВД, а потом стал крепить госбезопасность уже в Румынии — под контролем товарищей из Москвы, которые имели последнее слово практически в любом существенном решении, принятом в Восточной Европе в те годы.

В 1956 году последовало новое ответственное назначение: Пачепа был командирован в ФРГ, где возглавил резидентуру в румынском торгпредстве. Однако уже через год он был раскрыт: два румынских офицера, пойманных немецкой контрразведкой, назвали имена руководителей своей миссии.

Иону пришлось вернуться на родину — там его ждали великие дела. После Венгерского восстания и событий в Будапеште в 1956 году, после жестокого подавления венгерской революции (участия в котором румынские войска не принимали, хотя и предлагали Хрущеву помощь) все другие страны Варшавского договора озаботились укреплением внутренней безопасности и предотвращением возможности «венгерского варианта» развития событий.

В 1958 году Советский Союз вывел войска из Румынии, оставив военные базы и аэропорты румынской армии. Правительство Румынии давно просило у СССР об этом шаге, и Хрущев пошел на это. Так он показал, что оценил румын-

скую поддержку в подавлении Венгерского восстания и верит в лояльность руководства страны. Кроме того, выводом войск Москва продемонстрировала Западу свою готовность к мирным инициативам, при этом ничем не рискуя: Румыния граничила только с социалистическими странами, включая Югославию, отношения с которой у Варшавского блока после смерти Сталина улучшились.

В июле 1958 года был принят указ, согласно которому граждане Румынии, входившие в контакт с иностранцами для совершения акта, «который мог привести румынское государство к объявлению нейтралитета или войны», подлежали смертной казни. Указ был направлен против возможных заговорщиков, готовящих переворот в Румынии по примеру Имре Надя, который поддержал требования восставшего венгерского народа и объявил о нейтралитете страны.

Румыния осознанно дистанцировалась от Советского Союза, отказываясь повторять шаги Москвы после смерти Сталина, в том числе борьбу с культом личности. Георгиу-Деж и позже Чаушеску стремились к обеспечению независимости страны от СССР и потому последовательно проводили курс на срочную индустриализацию. Промышленность развивалась за счет крупных вложений; Румыния выручала деньги на продаже нефти и брала кредиты у западных правительств. После 1963 года Георгиу-Деж принял решение сыграть на китайско-советском конфликте и начал налаживать отношения между Румынией и Китаем. А незадолго до отставки Хрущева Георгиу-Деж пошел еще дальше и потребовал у Москвы убрать из Бухареста советников из КГБ. Сначала Москва была непреклонна, но после почти года переговоров согласилась на румынские условия. Секуриту-те получила еще большую автономию.

Смерть Георгиу-Дежа в 1965 году не повлияла на этот курс. Новый глава страны Николае Чаушеску продолжил его, и на то были веские причины.

IV

У всего этого дипломатического и экономического процесса была еще и потайная сторона, имевшая прямое отношение к Иону Пачепе. Исследовательница Элиза Родика так описывала секретные цели, которые в том числе преследовала Румыния, сближаясь с Западом:

«Создав иллюзию столкновения, КПСС и РКП продолжали плодотворное сотрудничество. С этой позиции кажущейся независимости Бухарест обращался к западным странам за технической помощью, параллельно запустив эффективную кампанию по промышленному шпионажу под прикрытием экономического сотрудничества. Управление внешней разведки было сосредоточено на Великобритании, Франции, Федеративной Республике Германии и Соединенных Штатах, добывая передовые технологии, кредиты и ноу-хау. Эти трофеи были впоследствии переданы Советскому Союзу, что давало ему преимущество в его экономической конкуренции с западным миром. В то время как Запад тратил сотни миллионов долларов на исследования, Советский Союз мог получить их результаты за небольшую цену с помощью румынского троянского коня».

Курирование промышленного шпионажа и было одной из основных задач Иона Пачепы. В своей статье «Как я был царем автомобилей», которую он написал в 2009 году для Wall Street Journal, он рассказал, как по просьбе Чаушеску зачинал автомобильную индустрию в Румынии. Конечно, Пачепа преувеличивал.

Вообще, о карьерном пути и профессиональных задачах Иона мы знаем преимущественно из его собственных рассказов, так что к ним стоит относиться с известной долей недоверия. Но, по словам Иона, ситуация была такой: Чаушеску в середине 1960-х пожелал, чтобы Румыния самостоятельно производила автомобили. Для этого он приказал

Иону приобрести лицензию западного производителя на какую-либо дешевую модель.

Самым бюджетным и перспективным вариантом оказалась Renault-R12, производство которой должно было запуститься в 1969 году. Но из-за проблем с организацией производства было решено использовать старую модель R8, которая выпускалась с 1962 года и к 1968 году сильно устарела:

«„Слишком роскошно для идиотов“, — постановил Чаушеску, увидев первый автомобиль Dacia 1100, сделанный в Румынии. После этой ремарки из машины убрали радио, правое боковое зеркало и обогрев заднего сиденья. Другие „ненужные предметы роскоши“ были вскоре устранены бюрократами и функционерами из профсоюзов. Автомобиль, который наконец появился на рынке, стал куцей версией старого урезанного Renault. „Идеально подходит для идиотов“, — одобрил Чаушеску».

Впрочем, с производством «дачии» быстро начались сложности. Чаушеску хотел, чтобы ее детали и запчасти выпускались на 160 румынских заводах, но партийным и промышленным бюрократам оказалось не под силу так скоординировать работу. В результате автомобилей производилось гораздо меньше, чем планировало руководство.

Даже если в деталях Пачепа был неточен (ремарки Чаушеску не производят впечатления достоверности), он точно не врал об общем принципе своей работы. Известно, что, используя пробелы в координации между американским Госдепартаментом и ЦРУ, Румыния в середине 1960-х годов смогла успешно заключить торговые сделки и купить лицензии на новейшие технологии нефтедобычи. В то же самое время благодаря этому сотрудничеству румынская разведка воровала и другие технологии. Торговля между США и Румынией росла начиная с 1960-х годов: Запад был заинтересован в том, чтобы поддерживать страну, которая оппони-

ровала СССР изнутри соцлагеря. В 1975 году Румыния даже получила статус страны, протезируемой США, что означало особые торговые преференции.

По данным ЦРУ, румынским инженерам требовалось 2–3 года, чтобы скопировать и запустить в производство украденную технологию и затем обменяться ей с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Куратором процесса технического шпионажа и был Ион Пачепа.

Но настоящее раздолье по части добычи технологий для соцблока настало во время Вьетнамской войны. Чаушеску умело добивался теплых отношений с Никсоном (например, отказался вводить войска в Чехословакию), и в итоге Никсон даже нанес ему визит. Впервые президент США приехал в социалистическую страну! Чаушеску преследовал несколько целей — в том числе надеялся получить информацию об американских ядерных технологиях. Чтобы достичь этого, Чаушеску пытался представить себя политиком, сравнимым с Тито — адвокатом движения Неприсоединения и лидера стран, зависших между капиталистическим и социалистическим мирами. Чаушеску обещал Никсону помощь в переговорах с Северным Вьетнамом, в обмен прося лишь торговые договора и новые технологии.

Как ни странно, переговоры оказались небезуспешными: США и Канада передали Румынии информацию о технологиях по производству тяжелой воды. Ион Пачепа торжествовал, ведь для такой страны, как Румыния, это был грандиозный успех. Благодаря умелой игре на противоречиях между двумя супердержавами небольшой балканской стране удалось прыгнуть выше головы, представив себя партнером Запада и продвинув своих разведчиков в такие эшелоны международной власти, о которых было нельзя и мечтать. При этом Румынии удалось сохранить и партнерские отношения с СССР. По словам Пачепы, почти вся полученная Секуритате информация поступала «товарищам» из КГБ.

Это, вероятно, неправда: другие источники отмечают, что румынская разведка очень неохотно делилась с Лубянкой добытыми секретами.

Президент де Голль, посетивший Бухарест в мае 1968 года, так охарактеризовал Румынию при Чаушеску: «*Chez vous un tel régime est utile, car il fait marcher les gens et fait avancer les choses*» («Для вас такой режим полезен, он заставляет людей двигаться вперед»). В конце 1960-х и первой половине 1970-х Чаушеску добивается наибольших политических успехов для Румынии: она стала первым государством Организации Варшавского договора, вступившим в ГАТТ (в 1971 году), Всемирный банк и МВФ (1972), получившим торговые преференции Европейского экономического сообщества (1973) и статус страны, протектируемой США, в 1975 году. Значительная часть этих успехов была достигнута не только дипломатией, но и работой румынской разведки, которая умела добиваться своих целей. Но главной причиной преференций, которыми Запад наделял Румынию, все же было желание вбить клин в социалистический лагерь.

V

Впрочем, дипломатические и экономические достижения были не единственной и даже не главной задачей Секуритате. Прежде всего разведка была необходима Чаушеску для контроля над страной и политической элитой. Николае Чаушеску, как и Георгиу-Деж, предпочитал управлять процессами жестко и не давать своим оппонентам ни малейшей надежды.

Пачепа вспоминал, как Чаушеску использовал возможности спецслужб для политической борьбы. Одним из самых значимых партийцев в стране в середине 1960-х был Георге Апостол — верный соратник Георгиу-Дежа и борец с «московской фракцией». Он претендовал на то, чтобы возгла-

вить страну после смерти ее руководителя, но был оттеснен Чаушеску и после этого немного потерялся на общем фоне. Апостол был оттеснен, но не задавлен: будучи заместителем главы правительства, он постоянно и последовательно критиковал Чаушеску с левых позиций, обращая внимание на сложное положение румынских рабочих. Подобное поведение никоим образом не нравилось Чаушеску — и он обратился за помощью к любимой Секуритате.

Спецслужбисты начали прослушивать телефонные звонки Апостола и установили микрофоны у него дома. Поначалу это ничего не дало — в рабочих и личных разговорах Георге представлял правоверным марксистом и коммунистом, если чем и недовольным, то лично Чаушеску. Но прослушка позволила узнать о другой стороне его жизни: жена Апостола регулярно устраивала вечеринки и встречи, на которых ее муж не присутствовал (по всей видимости, они давно жили порознь).

Чаушеску зацепился за эту возможность: была изготовлена «анонимка», обвиняющая Апостола в недостойном образе жизни, и во время съезда партии в 1967 году Чаушеску разыграл эту карту. Георге Апостол был смещен с поста и отправлен на почетную пенсию в виде руководства румынскими профсоюзами. Затем он нашел спасение от преследований Чаушеску в дипслужбе и смог стать послом в Латинской Америке.

В подобном же стиле Чаушеску расправился и с другими своими оппонентами. Например, Киву Стойка, сподвижник Георгиу-Дежа, бывший премьер-министр и председатель Госсовета Румынии, в середине 1970-х был обвинен в сексуальных отношениях с 22-летней племянницей и изгнан из Политбюро (по слухам, вскоре после этого Стойка покончил с собой, выстрелив себе в голову из охотничьего ружья). На других находился и политический компромат: главу госбезопасности Александра Дрэгича (еще одного сподвижника

Георгиу-Дежа и главного оппонента Чаушеску в борьбе за власть) публично обвинили в «сталинистских» репрессиях 1940-х и 1950-х годов и отправили в отставку с поста члена Политбюро. А генерала Эмиля Боднараша, поддержавшего в 1965 году кандидатуру Чаушеску, убрали шантажом, пригрозив пустить в дело информацию о его работе в правительстве как советского агента.

К середине 1970-х Чаушеску удалось полностью избавиться от всех представителей «старой гвардии» в своем Политбюро, установить полный контроль над Секуритате и заручиться значимой поддержкой западных стран (прежде всего США и Великобритании), не утратив при этом надежной связи с СССР и другими коммунистическими государствами — Китаем и КНДР. Спецслужбы следили за всей нацией и оперативно удаляли несогласных и бунтарей. Фортуна благоволила тем, кто не был на высоких постах во времена Георгиу-Дежа, — например, таким как Ион Пачепа, который во времена Чаушеску поднялся очень высоко.

Все это сопровождалось постоянным участием Румынии в большой политической игре. Ион Пачепа рассказывал, что одной из его рабочих задач было сотрудничество с Ясиром Арафатом и Организацией освобождения Палестины. По словам Пачепы, Чаушеску с палестинским лидером оказались очень похожими и относились друг к другу с большой теплотой. Тем не менее слова Пачепы стоит воспринимать с долей сомнения, ведь после 1967 года Румыния не стала разрывать отношения с Израилем, и арабским государствам это не понравилось.

Тем не менее Румыния регулярно поставляла оружие в Палестину. Про самого Арафата Пачепа сообщил факты, которые до сих пор ничем не удалось подтвердить, — например, что Арафат еще в 1950-х годах был завербован КГБ и прошел обучение в подмосковной Балашихе.

По словам Пачепы, Арафат был послушной марионеткой в руках КГБ, а Чаушеску помогал ему добиваться мирового признания в качестве легитимного лидера народа Палестины. В апреле 1978 года Чаушеску отправился в Вашингтон (в поездке его сопровождал Пачепа) и якобы смог убедить президента Картера поддерживать Арафата и воспринимать его не как террориста, но как политического лидера.

Всего через пару месяцев Пачепа вновь окажется в США — но уже при совершенно других обстоятельствах.

VI

Истинные причины побега Пачепы до сих пор не вполне ясны. По его собственной версии, дело исключительно в том, что Чаушеску приказал ему устранить Ноэля Бернарда, главу румынского отделения радио «Свободная Европа», который раздражал Чаушеску. Пачепа якобы внутренне решил, что он этого делать не будет, а единственным выходом видел бегство из страны.

Эту версию сложно назвать убедительной. На протяжении двух с половиной десятилетий Ион успешно строил карьеру в Секуритате, не выказывая диссидентских настроений, не протестуя против укрепления единоличной власти Чаушеску и его семьи (прежде всего жены Елены), удаления политических оппонентов. Его не смущала двойственная внешняя политика и воровство технологий — напротив, он принимал в этом самое деятельное участие. За годы работы он поднялся очень высоко и ему стали доступны многие тайны коммунистического государства. Сложно предположить, что очередное задание могло столь резко обрушить веру Иона в коммунизм и Чаушеску — хотя, конечно, можно предположить, что Пачепа не хотел становиться убийцей и чувствовал, что румынский лидер здесь перешел черту.

Так или иначе, по каким-то причинам Пачепа решил перейти на другую сторону. Был ли он завербован американской или британской разведкой задолго до этого? Угрожало ли что-то его карьере в Румынии? Чувствовал ли он опасность того, что выпадет из фавора у диктатора и будет назван советским шпионом и агентом? Зародились ли у него сомнения в будущем режима из-за масштабной забастовки шахтеров¹⁵ в долине Жиу в 1977 году? Как знать.

Ясно одно: его побег оказал огромное влияние и на Румынию, и на Чаушеску. И, безусловно, на судьбу самого Иона. Чаушеску был взбешен произошедшим. В родной стране Ион был дважды приговорен к смертной казни; его семья была фактически заключена под домашний арест. В придачу к этому Чаушеску якобы назначил награду в два миллиона долларов за убийство беглого генерала, а лидер Ливии Муаммар Каддафи и палестинский союзник Ясир Арафат добавили к этой сумме еще по миллиону.

В 1980-х румынские спецслужбы заказали убийство Пачепы прославленному террористу Ильичу Рамиресу по кличке Шакал, заплатили ему миллион долларов и выдали целый арсенал. Но покушение не удалось — «Шакал» не смог найти Пачепу и вместо этого подорвал офис радио «Свободная Европа» в Мюнхене.

Побег Пачепы повлек за собой целую серию чисток в руководстве Румынии. Историк Деннис Делетант, специалист по истории румынских спецслужб, так описывал происходящее:

«Треть Совета министров были понижены в должности (включая министра внутренних дел), заменены двадцать два посла и арестованы более дюжины высокопоставленных сотрудников службы безопасности. Были предприняты лихорадочные попытки вернуть сотрудников внешней разведки из-за границы, причем некоторые предпочли возвращению бегство. В 1978 году, по словам Пачепы, во внешней раз-

ведке Румынии было 560 сотрудников по правовым и тайным вопросам и 1100 „помощников“ в Министерстве внешней торговли.

Их число было увеличено в результате тайного указа, подписанного Чаушеску в 1973 году, который уполномочил внешнюю разведку нанимать любого, кто работает в Министерстве иностранных дел или Министерстве внешней торговли, и выплачивать ему дополнительную зарплату. Около 70 процентов сотрудников торговых представительств на Западе и в странах третьего мира были сотрудниками разведки под прикрытием, а остальные, за исключением Марина Чаушеску, главы коммерческого офиса в Вене, были штатными сотрудниками разведки. В Министерстве внешней торговли пять заместителей министра и одиннадцать директоров были тайными сотрудниками внешней разведки».

Сам же Пачепа в первые годы после своего побега занимался в основном тем, что рассказывал ЦРУ о потайной стороне румынской политической жизни, описывал подробности румынско-советского сотрудничества и открывал правду об истинных намерениях Чаушеску. Теплые отношения Румынии и Запада заканчивались; конец был неизбежен из-за нефтяного эмбарго и огромных долгов перед западными державами, но теперь мировые лидеры не готовы были прощать что-то стране.

1980-е годы в Румынии стали временем жесткого дефицита всего — от электричества и горячей воды до еды и продуктов повседневного потребления. Во второй половине 1980-х годов Пачепа выпустил в печать книгу «Red Horizons», в которой подробно рассказывал о своей жизни и работе в коммунистической Румынии. Естественно, в Румынии книга была запрещена, но радио «Свободная Европа» превратило ее в сериал и транслировало на всю территорию страны.

После 1989 года, когда Чаушеску был свергнут и убит, книга наконец добралась до румынских читателей — с новым послесловием: расшифровкой суда над Николае и Еленой Чаушеску, значительная часть обвинений на котором была почерпнута из книги Иона Пачепы:

«Обвинитель: Дети не могут купить даже простой леденец, а вы живете во дворцах.

Николае Чаушеску: Возможно ли предъявлять нам такие обвинения?

Обвинитель: Давайте теперь поговорим о счетах в Швейцарии, господин Чаушеску. Что вы можете сказать относительно счетов?

Елена Чаушеску: Счета в Швейцарии? Предоставьте доказательство!

Николае Чаушеску: Мы не имели никакого счета в Швейцарии. Никто не открывал счет. Это вновь показывает, насколько фальшивы обвинения. Какая клевета, какие провокации! Это был государственный переворот».

Чаушеску расстреляли в день суда, но с его смертью гражданский конфликт не закончился; смерти и убийства продолжались еще примерно полгода. Новым руководителем Румынии стал Ион Илиеску, возглавляемый им Фронт национального спасения объявил борьбу с «контрреволюционерами» — бывшими сотрудниками спецслужб, которые якобы собирались захватить власть в стране. В результате этой борьбы сотни человек были обвинены и убиты за пособничество Секуритате — и, скорее всего, далеко не все из них имели хоть какое-то отношение к румынским силовым ведомствам.

Пачепа же в 1990-х был оправдан Верховным судом Румынии и выпустил еще немало книг и статей, в которых рассказывал об ужасах жизни в коммунистической диктатуре и паутине лжи, которую выстроил СССР, а следом за ним и Россия. Одна из его последних статей, опубликованных

в 2015 году, рассказывала о том, что «теологию освобождения» на самом деле придумали на Лубянке, а РПЦ — это очередная ударная сила КГБ:

«Каждое общество отражает свое прошлое. На протяжении веков каждый, кто восседал на кремлевском троне — самодержавный царь, лидер коммунистов или избранный демократическим путем президент, — был озабочен контролем над всеми проявлениями религии, которые могут посягать на его политические амбиции».

Говорят, Пачепа до сих пор жив и скрывается где-то в США. Так это или нет — неизвестно, но, как бы там ни было, он вошел в историю как самый необычный и высокопоставленный перебежчик из одной из самых необычных коммунистических стран второй половины XX века. Верить ему или нет, каждый решает сам.

«РУССКИЕ ОПЯТЬ ПРИДУТ!»

[#ussrchaosss_romania](#) [#chaosss_gb](#)
[#chaosss_army](#) [#chaosss_klyukva](#)
[#chaosss_stalin](#)

Егор Сенников

Накануне очередных выборов правящего Белоруссией 26 лет президента Александра Лукашенко под Минском были задержаны наемники ЧВК «Вагнер». Во время послания белорусскому народу Лукашенко заявил, что «эти люди были направлены специально в Беларусь. Команда была „ждать“. Мы имеем свою страну, страна имеет законы. Кому как не нашим родным братьям-россиянам и их руководству знать эти законы? Не взрывайте обстановку, ибо будет плохо так, что до Владивостока будет тяжело».

После начала протестов Путин заявил о готовности выслать российских силовиков, а Лукашенко изменил риторику и стал вновь критиковать НАТО: «Начали лязгать гусеницами. Понимаете, когда неспокойно рядом, и танки начинают передвигаться, и самолеты летать, это неслучайно».

Использование образа внешнего врага для укрепления личной власти — давнишний пример, который, пожалуй, никогда не устареет. В социалистической Румынии, например, пугали советской армией-освободительницей. И только Николае Чаушеску смог бы точно рассказать, как его пытались неоднократно свергнуть и что стало с теми, кто пытался¹⁶.

«Дорогие товарищи, граждане румынской земли! Вторжение в Чехословакию пяти социалистических стран — это серьезная ошибка, серьезная угроза миру в Европе и будущему социализма на земле! (Возгласы.) В современном мире, когда люди борются за свою национальную независимость и равные права, немыслимо, чтобы социалистические государства посягали на свободу и независимость другого государства! (Возгласы.) Нет никакого оправдания, ни единого аргумента, ни единого повода для военного вмешательства в дела братского социалистического государства! (Аплодисменты.)».

Из речи Николае Чаушеску 21 августа 1968 года на митинге в Бухаресте

В августе 1968 года руководство СССР поняло, что больше не может безучастно смотреть на события, происходившие в Чехословакии с начала года. В стране активно шли политические и экономические перемены и реформы, которые не только угрожали стабильности социалистического строя в ЧССР, но и, как считали в Москве, могли привести к потере Советским Союзом контроля над всеми странами Организации Варшавского договора в целом. Отказ от со-

циализма в одной стране увеличивал шансы на нечто подобное и в других. А именно к этому, по мнению руководителей СССР, и вели реформы Дубчека в Чехословакии — несмотря на то что сам чехословацкий лидер не собирался свергать социализм, а собирался его усовершенствовать.

В ночь с 20 на 21 августа на территорию Чехословакии были введены войска Советского Союза, ГДР, Польши, Венгрии и Болгарии. Внимание всего мира было приковано к Праге, откуда приходили самые тревожные новости: по городу ездили советские танки, происходили столкновения между солдатами и жителями Чехословакии, прежде всего пражанами.

Но среди стран Восточного блока, отправивших своих солдат, не хватало одной, чьи войска остались на родине: Румынии. Николае Чаушеску, возглавивший Румынскую компартию тремя годами ранее, не только не стал принимать участие в операции «Дунай» (такое кодовое название было у ввода войск в ЧССР), но и использовал ее для критики Советского Союза, для укрепления личной власти и, возможно, для борьбы с потенциальными внутрипартийными оппозиционерами при помощи конспирологических подозрений.

Худой мир

В начале августа 1968 года, во время очередного Международного фестиваля молодежи и студентов (который в тот раз проходил в Софии, столице Болгарии), произошло необычное и почти политическое выступление. Румынская делегация, входя на стадион «Васил Левски», главное спортивное сооружение страны, отошла от предписанного сценария празднеств и выложила своими телами два слова: «ЧАУШЕСКУ — ДУБЧЕК».

Безусловно, это была не случайность и не самодеятельность со стороны румынских студенческих организаций; про-

изошедшее было запланировано на самом верху руководства Румынии. Этим жестом Чаушеску хотел не только поддержать Александра Дубчека, руководителя компартии Чехословакии, но и показать всем (прежде всего Москве), что он не поддерживает жесткого подхода к решению чехословацкой проблемы. Из-за этого к румынской делегации в Болгарии отнеслись без особого почтения и даже с ожесточением.

Такие жесты были не в новинку для лидера Румынии. Напряженность в отношениях между Бухарестом и Москвой появилась не при Чаушеску. Еще при его предшественнике, сталинисте Георге Георгиу-Деже, между двумя странами сложились непростые отношения. Например, когда в конце июня 1963 года Хрущев в составе большой партийно-правительственной делегации (компанию советскому лидеру составили Леонид Брежнев, Алексей Косыгин, Николай Подгорный и Юрий Андропов) совершил визит в Бухарест, надеясь решить уже имевшиеся к тому моменту проблемы между странами — прежде всего речь шла об экономических и торговых отношениях.

Особого успеха Хрущеву добиться не удалось, между двумя лидерами постоянно шли споры, которые, к счастью, не получили тогда публичной огласки (однако спустя год с небольшим на октябрьском пленуме ЦК КПСС Суслов, выдвигая обвинения против Хрущева, вспомнит о том, что генсек вел себя с румынами грубо и жестко).

Причины разногласий между двумя странами, конечно, заключались не в разнице темпераментов. Еще с середины 1950-х, когда Георгиу-Дежу удалось избавиться от ключевых внутривластных конкурентов, большинство из которых ориентировались на Москву, руководство страны начало использовать принцип «Румыния прежде всего». Этот принцип приносил выгоду: на рубеже 1950–1960-х годов как раз обострился советско-китайский конфликт, и «равноудаленная» от обеих сторон Румыния выступала в нем посредником.

В 1958 году Советский Союз уступил просьбам Георгиу-Дежа и вывел войска с территории страны (в первый раз глава румынской компартии обратился с этим вопросом к Хрущеву в 1955 году). К такому решению в Москве пришли, убедившись в лояльности румынского руководства во время Венгерского восстания. Впрочем, вывода войска, СССР почти ничем не рисковал: Румыния была со всех сторон окружена социалистическими странами.

Политическая обстановка подталкивала Георгиу-Дежа к разногласиям с Москвой и, с определенного момента, к поискам союзников на Западе. После смерти Сталина руководителям стран социалистического блока было нелегко удержать свои позиции. В июне 1953 года сталинист Матъяш Ракоши, глава венгерских коммунистов, был отстранен от должности премьер-министра страны. В дальнейшем он проиграл аппаратное сражение и летом 1956 года был уволен со всех постов и выехал в СССР, откуда уже не вернулся — помешало и Венгерское восстание в 1956 году, и нежелание Яноша Кадара видеть Ракоши в стране. Вальтер Ульбрихт, глава ГДР, был близок к потере должности в июне 1953 года, когда из-за тяжелого экономического положения в стране вспыхнули рабочие восстания. Ему повезло подавить протесты (в основном силами советских войск, дислоцированных в Германии) и заглушить голоса оппонентов раньше, чем решение о его судьбе было принято в Москве (тем более что там тоже шли перемены — примерно в то же время был арестован Лаврентий Берия). В дальнейшем Ульбрихту удалось оставаться у власти вплоть до 1971 года.

Вылко Червенков, глава болгарской компартии и премьер-министр страны, предпринял ряд политических шагов, которые, как он надеялся, могли помочь ему удержаться у власти: восстановил дипломатические отношения с Грецией и, вслед за всем соцблоком, с Югославией, попытал-

ся приспособиться к новым экономическим условиям, когда СССР ослабил давление на экономику. Но ему это не помогло — в 1956 году его сменил Тодор Живков. Глава Чехословакии Клемент Готвальд простудился на похоронах Сталина и умер. Его сменил сначала Антонин Запотоцкий, продолживший курс предшественника, а затем Антонин Новотный. Лидер польских коммунистов Болеслав Берут умер в Москве в 1956 году, после него партией непродолжительное время руководил Эдвард Охав, которого вскоре сменил Владислав Гомулка.

Таким образом, становится понятнее, что для Георгиу-Дежа конфронтация с Советским Союзом была самым удобным способом сохранить власть в стране. Конфликтная с Москвой, он мог избавляться от потенциальных оппонентов внутри партии и усиливать контроль над государственными органами. Кроме того, стремясь к укреплению своей власти, он подавал себя как националиста и патриота и добивался популярности у населения. Действия Георгиу-Дежа в чем-то напоминали курс Мао Цзэдуна в Китае, Энвера Ходжи в Албании, Мориса Тореза во главе французской компартии. Позиция руководителя Румынии становилась все более независимой. На апрельском пленуме ЦК Румынской коммунистической партии 1964 года была издана Декларация, в которой говорилось, что нет и не может быть «родительской» или «старшей» партии, нет «вышестоящих» или «подчиненных» партий, а есть только «одна большая семья коммунистических и рабочих партий, имеющих равные права».

Курс, начатый Георгиу-Дежем, продолжил Чаушеску, чтобы не только остаться у власти, но и укрепить ее. В 1967 году Чаушеску, не посоветовавшись с Москвой, установил дипломатические отношения с ФРГ, чем разозлил руководство не только СССР, но и ГДР. До этого момента полноценные отношения с ФРГ из всех стран Варшав-

ского договора были только у СССР (с 1955 года); кроме того, у ФРГ с 1964 года были торговые представительства в Венгрии и Болгарии. Установление полноценных дипотношений между соцстранами и ФРГ стало возможным лишь после подписания Московского и Варшавского договоров в 1970 году. В 1967 году Чаушеску проявил дипломатическую независимость еще раз — после Шестидневной войны не стал разрывать отношения с Израилем, как другие социалистические страны.

Чаушеску активно налаживал отношения с Западом; западные лидеры были заинтересованы в этом из-за желания вбить клин в социалистический блок. Надо сказать, что восточноевропейские лидеры были не едины в своей оценке чехословацких реформ. В то время как Вальтер Ульбрихт и Владислав Гомулка обращали внимание Москвы на «контрреволюционные действия» Дубчека, лидер Венгрии Янош Кадар поначалу предлагал относиться к переменам терпимо и осторожно, не вмешиваясь во внутренние процессы в Чехословакии. Руководителя венгерской компартии беспокоило, что жесткое подавление реформ Дубчека может негативно сказаться и на преобразованиях, которые Кадар начал проводить в жизнь в Венгрии.

А Чаушеску преследовал все те же свои цели, что и всегда: обособление ради выживания и возможность получить преимущества из-за срединной географической позиции. В мае 1968 года в Бухарест с визитом прибыл президент Франции Шарль де Голль. Меж тем как Косыгин и Гречко в Праге пытались еще раз уговорить Дубчека остановить реформы в Чехословакии, Чаушеску объезжал с де Голлем Румынию и публично выступал с заявлениями о необходимости роспуска военно-политических союзов в Европе и создания единого политического пространства. Правда, де Голлю пришлось закончить визит досрочно — в Париже начались майские студенческие волнения, а по всей Фран-

ции бастовали почти 2 миллиона человек, и ситуация требовала личного вмешательства президента.

Неудивительно, что и конфликт Советского Союза с Чехословакией Чаушеску решил обернуть себе на пользу. С начала 1968 года Чаушеску разными способами выражал поддержку Дубчеку. Поэтому представителей Румынии уже в марте 1968 года перестали приглашать на встречи руководителей стран Варшавского договора — так сильно раздражала всех несговорчивость румынского лидера и его требования преференций. Чаушеску же продолжал укреплять власть в стране. В апреле 1968 года он смог избавиться от одного из своих главных оппонентов — бывшего куратора спецслужб Александру Дрэгича.

15 августа 1968 года, за пять дней до ввода войск в Чехословакию, Чаушеску приехал в Прагу с официальным визитом. Страны продлили Чехословацко-Румынский договор о дружбе и взаимопомощи, подписанный в 1948 году на 20 лет. Это уже был недвусмысленный акт поддержки реформ, предпринятых в Праге с начала года. Вернувшись домой, Чаушеску решил публично подкрепить свой поступок. Он заявил, что был глубоко впечатлен реформами в Чехословакии, и отметил, что твердо убежден: судьбы социализма и чехословацкого народа находятся в надежных руках. При этом своим приближенным Чаушеску объявил, что никогда не допустит в стране такой же гласности, как в Чехословакии.

В 6.30 утра 21 августа, в то время как войска стран Варшавского договора вторгались в Чехословакию, в Бухаресте собрались экстренное совещание президиума Румынской компартии. Партийное руководство тремя часами ранее было уведомлено советским посольством (курьер из советского посольства ночью прислал сообщение) о том, что ввиду контрреволюционных действий руководства Чехословакии страны Варшавского договора введут в страну

войска. Услышав это, Чаушеску, вероятно, предположил, что в дальнейшем не исключена и интервенция в Румынию.

О вводе войск в Чехословакию жители Румынии узнали по радио: в объявлении говорилось о том, что происходящее нарушает не только принципы взаимоотношений между социалистическими государствами, но и нормы международного права.

Чаушеску предложил членам руководства Румынской компартии поддержать его подход и осудить действия СССР и его союзников. Его поддержали все члены Исполкома ЦК РКП, не только его личные союзники, но и те, кто часто бывал с ним не согласен. Общее мнение заключалось в том, что в такой ситуации, как та, в которой оказались Дубчек и ЧССР, может оказаться любая страна, если она стремится к независимой политике.

Вскоре после этого Чаушеску обратился лично к 100 тысячам человек, собравшимся на площади в Бухаресте. Начало этой речи приведено в начале статьи; в продолжение Чаушеску добавил, например, такие слова:

«Говорят, что в Чехословакии существует опасность контрреволюции; найдутся люди, которые завтра, возможно, скажут, что и здесь, на этом самом митинге, мы проявляем контрреволюционные тенденции. Мы отвечаем всем этим людям: румынский народ не позволит никому прийти на территорию нашей страны!»

Опасения, с одной стороны, не были беспочвенными: на румынско-советской границе действительно проводилась перегруппировка войск, но, по всей видимости, прежде всего с целью психологически надавить на руководство Румынии. Ситуация на тот момент и в самом деле сложилась неоднозначная: в Югославии и Австрии тоже отреагировали на ввод войск в Чехословакию нервно (Тито приказал привести войска в боеготовность). Но Чаушеску не просто реагировал на происходящее, а целенаправленно сеял в ру-

мынском обществе панику и нервозность. Он говорил о реальности советской угрозы, постоянно изображая себя как главного патриота и борца за национальную независимость.

По стране пошли слухи, что «вот-вот придут русские». Многие отлично помнили приход советских войск во время Второй мировой. Теперь люди начали бояться повторения ситуации. Румыния перебросила войска к границе, показывая Советскому Союзу, что в случае попытки интервенции страна даст отпор. Чаушеску даже заявил, что «воевать будет весь румынский народ», а также отдал приказ о создании Патриотической гвардии — отрядов самообороны, руководить которыми должны были коммунисты. По стране был пущен слух, что советский танк якобы пытался пересечь румынскую границу, но его остановили минные поля.

Основную роль в спасении страны должна была сыграть армия. Спустя годы один из солдат, оказавшихся тогда на границе, вспоминал об этом так (разговор с ним приводит Калин Гойна):

«...Мы думали, это военные учения, ложная тревога. Было 2 часа ночи. Мы получили оружие, автоматы ППГ. [...] Один из наших командиров, полковник, попросил нас пойти на оружейный склад... На складе он объяснил нам [что происходит]. Этот человек плакал, а я, молодой парень, не понимал, как полковник мог плакать при нас. Но я помню, как он говорил: „У меня дома две дочери“. Он прошел войну [Вторую мировую] и знал, что это такое... Итак, мы получили боевое оружие... и сели на грузовики... нам сказали, что мы идем на границу [с СССР], чтобы защищать нашу страну от русских. 21 августа я услышал речь Чаушеску. Мы все спрашивали друг друга: „Вы готовы сражаться?“ Никто не сказал „нет“».

Тревога охватила тогда многих: выступления Чаушеску заставляли думать, что война уже на пороге. Будущее виделось людям в мрачных тонах.